

ПРАВО НА ЗАБВЕНИЕ КАК НОВЫЙ ИНСТИТУТ ЗАЩИТЫ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ: ПЕРСПЕКТИВЫ ИМПЛЕМЕНТАЦИИ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН

Норкулова Гавхаршодбегим Алишер кизи

Независимый исследователь,

Ташкентский государственный юридический университет

Эл. почта: gilhomova@gmail.com

<https://doi.org/10.5281/zenodo.22138061>

Введение. Стремительная цифровизация общественной жизни в Республике Узбекистан, получившая институциональный импульс с принятием Стратегии «Цифровой Узбекистан-2030» в 2020 году, привела к многократному росту объема персональной информации, циркулирующей в электронных реестрах, медиаархивах и поисковых системах¹. По мере того как граждане всё активнее взаимодействуют с государством и частными организациями через цифровые каналы, устаревшие, неточные либо утратившие актуальность персональные данные продолжают индексироваться и отображаться в открытом доступе спустя длительное время после того, как отпала цель их обработки. Это актуализирует концепцию, получившую в европейской правовой доктрине название «право на забвение» (right to be forgotten), возможность лица требовать удаления или прекращения индексации персональных данных, которые более не являются необходимыми, точными либо стали избыточными применительно к целям их первоначального сбора. Целью настоящей работы является анализ концептуальных основ права на забвение, сформировавшихся в международной практике, и оценка перспектив его имплементации в законодательство Узбекистана.

Право на забвение: концептуальные истоки и зарубежные модели. Современная доктрина права на забвение сформировалась в решении Суда Европейского союза по делу *Google Spain SL и Google Inc. против AEPD и Марио Костеха Гонсалеса* (2014), в котором Суд признал оператора поисковой системы «контролёром» персональных данных, обязанным при определённых условиях исключать из результатов поиска ссылки на страницы, содержащие сведения о лице, даже если сама публикация остаётся законной². Данный принцип впоследствии был закреплён в статье 17 Общего регламента по защите данных (GDPR), озаглавленной «Право на удаление («право на забвение»)», которая предусматривает конкретные основания для удаления данных отсутствие дальнейшей необходимости в обработке, отзыв согласия, неправомерность обработки, а также исключения, защищающие свободу выражения мнений, исполнение юридических обязанностей, архивирование в общественных интересах и осуществление юридических требований³. Отдельные исследователи прослеживают доктринальные истоки этого права во французской традиции защиты личного

¹Президент Республики Узбекистан. (2020). Указ № УП-6079 «Об утверждении Стратегии «Цифровой Узбекистан-2030» и мерах по ее эффективной реализации» от 5 октября 2020 г.

²Court of Justice of the European Union. (2014). *Google Spain SL and Google Inc. v Agencia Española de Protección de Datos (AEPD) and Mario Costeja González*, Case C-131/12, Judgment of 13 May 2014.

³Regulation (EU) 2016/679 — Общий регламент о защите данных ЕС от 27 апреля 2016 г., ст. 17.

достоинства и репутации⁴, в то время как другие критикуют европейский подход за недостаточный учёт общественного интереса в свободном обращении информации и за риски для функционирования публичной сферы⁵. Последующее решение Суда ЕС по делу *Google LLC против CNIL* (2019) подтвердило, что обязанность по удалению ссылок по праву ЕС распространяется лишь на версии поисковой системы, доступные из государств — членов Евросоюза, что иллюстрирует сохраняющееся противоречие между территориальными пределами действия гарантий защиты данных и глобальной архитектурой интернета⁶.

Правовая база защиты персональных данных в Узбекистане. Действующее законодательство Узбекистана пока не содержит права на забвение в его развёрнутом виде, однако включает элементы, приближающиеся к нему. Новая редакция Конституции Республики Узбекистан, принятая на всенародном референдуме 30 апреля 2023 года, закрепляет в части третьей статьи 31, что каждый имеет право на защиту своих персональных данных, а также вправе требовать исправления недостоверных данных и уничтожения данных, собранных о нём незаконным путём или более не имеющих правовых оснований для хранения⁷. Данная конституционная гарантия уже европейского права на забвение она не распространяется на данные, которые были собраны законно, но со временем утратили актуальность или стали избыточными, однако создаёт нормативную основу, на которой может быть выстроен более полный институт. На уровне текущего законодательства отношения по сбору, обработке, хранению и защите персональных данных регулируются Законом Республики Узбекистан «О персональных данных», принятым 2 июля 2019 года и неоднократно изменявшимся, в том числе в 2021, 2023 и 2026 годах⁸. Закон возлагает функции уполномоченных органов на Государственный центр персонализации при Кабинете Министров и специализированную государственную инспекцию, а также наделяет субъекта персональных данных правом на доступ к своим данным и правом требовать исправления или уничтожения данных, обработанных с нарушением закона. Вместе с тем в законодательстве по-прежнему отсутствует самостоятельная, кодифицированная процедура подачи требования об удалении или прекращении индексации законно опубликованных, но утративших актуальность персональных данных в поисковых системах, медиаархивах и социальных платформах.

⁴Mantelero, A. (2013). The EU Proposal for a General Data Protection Regulation and the roots of the ‘right to be forgotten’. *Computer Law & Security Review*, 29(3), 229–235.

⁵Post, R. C. (2018). Data privacy and dignitary privacy: Google Spain, the right to be forgotten, and the construction of the public sphere. *Duke Law Journal*, 67(5), 981–1072.

⁶Court of Justice of the European Union. (2019). *Google LLC v Commission nationale de l’informatique et des libertés (CNIL)*, Case C-507/17, Judgment of 24 September 2019.

⁷Конституция Республики Узбекистан (новая редакция, принята на референдуме 30 апреля 2023 г.), ч. 3 ст. 31.

⁸Закон Республики Узбекистан «О персональных данных» № ЗРУ-547 от 2 июля 2019 г. (в ред. Законов № ЗРУ-666 от 14.01.2021, № ЗРУ-880 от 28.11.2023, № ЗРУ-1125 от 26.03.2026).

Перспективы и проблемы имплементации в Узбекистане. Введение полноценного института права на забвение в законодательство Узбекистана сопряжено как с институциональными возможностями, так и с нормативными вызовами. С одной стороны, повестка цифровой трансформации, запущенная Указом Президента № УП-6079, уже создала административную инфраструктуру платформы электронного правительства, единую систему идентификации личности и специализированные надзорные органы, которая могла бы стать основой для процедуры удаления или прекращения индексации данных без создания принципиально нового аппарата⁹. С другой стороны, подобный механизм должен быть согласован с конституционными гарантиями свободы поиска, получения и распространения информации, а также с независимостью средств массовой информации, чтобы право на забвение не превратилось в инструмент устранения законных сведений, представляющих общественный интерес. К числу дополнительных проблем относятся отсутствие чёткой административной или судебной процедуры подачи требования об удалении данных, неопределённость в вопросе о том, распространяется ли юрисдикция национальных надзорных органов на зарубежные поисковые системы и платформы, а также необходимость подготовки судей и сотрудников государственных органов к применению принципа соразмерности при взвешивании права на неприкосновенность частной жизни и свободы выражения мнения по методологии, выработанной в европейской практике. Для устранения указанных пробелов потребуются внесение изменений в Закон «О персональных данных» с целью введения самостоятельной процедуры удаления и прекращения индексации данных, определения чётких материальных критериев и исключений, а также закрепления полномочий конкретного уполномоченного органа по рассмотрению отказов в удовлетворении соответствующих требований.

Заключение. Конституционная реформа 2023 года заложила в Узбекистане нормативную основу, совместимую с концепцией права на забвение, однако законодательные и процедурные механизмы, необходимые для практической реализации этого права, пока отсутствуют. С учётом темпов цифровой трансформации страны дальнейшее развитие Закона «О персональных данных» с учётом европейского опыта при сохранении внимания к специфическому для Узбекистана балансу между неприкосновенностью частной жизни и свободой информации представляется своевременным и необходимым направлением законодательной реформы.

Adabiyotlar, References, Литературы:

1. Конституция Республики Узбекистан (новая редакция, принята на референдуме 30 апреля 2023 г.), ч. 3 ст. 31. <https://constitution.uz>
2. Закон Республики Узбекистан «О персональных данных» № ЗРУ-547 от 2 июля 2019 г. (в ред. Законов № ЗРУ-666 от 14.01.2021, № ЗРУ-880 от 28.11.2023, № ЗРУ-1125 от 26.03.2026). <https://lex.uz/docs/4396428>

⁹Президент Республики Узбекистан. (2020). Указ № УП-6079 «Об утверждении Стратегии «Цифровой Узбекистан-2030» и мерах по ее эффективной реализации» от 5 октября 2020 г. (см. сноску 1).

3. Президент Республики Узбекистан. (2020). Указ № УП-6079 «Об утверждении Стратегии «Цифровой Узбекистан-2030» и мерах по её эффективной реализации» от 5 октября 2020 г. <https://lex.uz/ru/docs/5031048>
4. Court of Justice of the European Union. (2014). Google Spain SL and Google Inc. v Agencia Española de Protección de Datos (AEPD) and Mario Costeja González, Case C-131/12, Judgment of 13 May 2014.
5. Court of Justice of the European Union. (2019). Google LLC v Commission nationale de l'informatique et des libertés (CNIL), Case C-507/17, Judgment of 24 September 2019.
6. Regulation (EU) 2016/679 of the European Parliament and of the Council of 27 April 2016 (General Data Protection Regulation), Art. 17. <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2016/679/oj>
7. Mantelero, A. (2013). The EU Proposal for a General Data Protection Regulation and the roots of the 'right to be forgotten'. Computer Law & Security Review, 29(3), 229–235. <https://doi.org/10.1016/j.clsr.2013.03.010>
8. Post, R. C. (2018). Data privacy and dignitary privacy: Google Spain, the right to be forgotten, and the construction of the public sphere. Duke Law Journal, 67(5), 981–1072. <https://scholarship.law.duke.edu/dlj/vol67/iss5/2>